

Независимая газета.- 10.06.2015

Александр Неклесса

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – заведующий лабораторией «Север – Юг» Института Африки РАН; председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Черные лебеди над Донбассом

Социальная турбулентность украинских событий и ее глобальный контекст

Чорні лебеді над Донбасом

Соціальна турбулентність українських подій і її глобальний контекст

Специфіка України полягає у трагічності її історії. Країна розташовувалася на шляхах переселення народів, на перехресті культур і конфесій, унії і руйни, політичних проєктів і соціальних катаклізмів, занадто часто перебуваючи в горнилі заколотів, воєн, окупацій. У сумі ці фактори зумовили наполегливе прагнення до суверенності та європейський вибір України. Можна, звичайно, обговорювати, чому радикальний перелом стався саме зараз, але в принципі довгострокова тенденція була очевидна. Актуальне питання нинішньої ситуації - можливість поновлення гарячої фази військового конфлікту.

http://www.ng.ru/ideas/2015-06-10/5_donbass.html

Этнокультурная экзотика - лишь первый, лежащий на поверхности слой украинской национальной идентичности. И суверенность, и единство не даны готовыми. Фото Reuters
Будущее должно быть заложено в настоящем.

Георг Кристоф Лихтенберг

Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение этого тезиса стирает остроту содержания. Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический – связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой. И, несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций, с иной скоростью социального времени. Примерно начиная с последней трети XX века социальное время ускоряется, разночтения

множатся, и мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Оpozнание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности, и как результат мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Гибридные войны

Национальные государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности. В XX веке война стала индустриальным феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более крупномасштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих предприятий, заключались международные соглашения, подписывались женеvские конвенции и т.п.

Конечно, множились отклонения от стандарта, прежде всего в ситуациях транзита, чаще всего – революций. А в глобальном масштабе – при столкновении идеологий и культур либо резкой асимметрии сил сторон. Наиболее частые девиации – партизанские действия, скрытое участие иностранных войск, терроризм, массированное использование сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим в корейской и вьетнамской кампаниях: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных (явных и закамуфлированных), гериллы, гражданских лиц, совмещение экономических, психологических, информационно-пропагандистских мероприятий и диверсий. Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями. Вьетнам показал, что война выигрывается не только за счет силового превосходства.

Следующий кейс, Большой Ближний Восток. Здесь множество сюжетов, относящихся к теме: от израильско-палестинских, афганских, иракских сценариев до коллизий, связанных с подвижным, лишенным границ «Исламским государством». Или сам по себе феномен глобальной войны с терроризмом. По мере усложнения ситуаций меняется методология анализа и действия, формулируются инновационные методы управления: матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное и т.д. Системы становятся чересчур многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом (точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры). Так, к примеру, успешность первой иракской кампании была в определенной мере обеспечена ориентацией ее сценария на ментальность лидера противоположной стороны...

Сейчас существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-своему. Вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам». В сухом остатке гибридная война это сумма силовых, форсированных действий вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника. Постсовременные военные конфликты имеют комплексную природу, то есть могут интегрировать не только средства, но и достаточно разнородные цели весьма различных субъектов прямого и косвенного действия. Иначе говоря, «вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические – мы можем столкнуться с

противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Френсис Хоффман).

В своей основе гибридная война есть следствие транзитной ситуации, когда прежние категории и регуляции утрачивают актуальность. Параллельно растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил и средств, быстрой адаптации к меняющимся условиям и властно-правовому консенсусу. Это, по сути, венчурный поиск и реализация возможностей метаполитического действия как следствие новых условий и технологий (hard&soft), их высокой эффективности и доступности негосударственным субъектам, в том числе гражданским лицам. Гибридная война расплывает и сдерживает силы противника, снижает эффективность применения им собственно военных сил и средств, а массированное участие гражданских лиц создает сложные ситуации. Иначе говоря, это не та война, которая у нас служит точкой отсчета.

Для нас архетип войны – Великая Отечественная (но уже тогда на театрах мировой войны были видны различия в кодах боевых действий, ведущихся на основе «законов войны» и «тотальной борьбы», исходящей из идеологических установок). Однако с тех пор имела место холодная война, включавшая распределенное множество локальных конфликтов, прочих деструктивных операций и активных мероприятий различного толка. К тому же военные акции сегодня могут реализовываться не только в физическом измерении, но также в информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью кибератак, инновационных управленческих методов и психологических инструментов, применяемых в интеллектуальных, творческих, антропологических средах. Моделируя предельные ситуации с акцентом на будущее, можно, образно говоря, победить страну, а она либо внезапно проснется, либо об этом узнает «только на следующий день».

В какой-то мере Украина оказалась частью этого нового пространства операций и его очередным полигоном.

Украинский разлом

Здесь, как и в предыдущем сюжете, нужно учитывать генетику явления, его основания, в то время как сейчас львиная доля внимания уделяется конъюнктурным факторам, то есть не «почему вообще», а «почему сейчас». Я бы выделил следующие «долгоиграющие» аспекты проблемы. В прошлом веке разрушались имперские организмы, сначала континентальные: Российская, Австро-Венгерская, Оттоманская империи. Затем начали рассыпаться «морские империи»: британская, французская, испанская, португальская... то есть шел процесс, получивший со временем определение «деколонизация», порождавший национальные государства. Для континентальных империй процедура была прописана после Первой мировой войны Парижской мирной конференцией и последующими договорами (породившими плеяду постимперских национальных государств и подмандатных территорий, причем не только в Европе), а для империй «морских» несколько позже, после Второй мировой, регламентами и резолюциями ООН.

Если посмотреть на историю взаимоотношений Украины и России в данном ключе, используя для анамнеза и прогноза искусство аналогий, то наиболее яркий пример, наверное, – перипетии обретения независимости Ирландией. Или отчасти траектория отношений Хорватии и Сербии. Можно найти аналогии не только в Европе, присмотревшись, скажем, к судьбе испанской гегемонии в Латинской Америке (не случайно в свое время Семен Петлюра изменил свое имя на Симон именно ради аналогии с Симоном Боливаром). Или даже припомнить коллизии Великобритании с устремленными к независимости США. Разные ситуации, с разным историческими

маршрутами, но вызывающие ассоциации, реминисценции, имеющие определенный инвариант и служащие историческим уроком.

Другой конфликтный аспект российско-украинских отношений и связей это культурный дифференциал и проистекающая из него возможность «столкновения культур». Цивилизационный разлом в данном случае не столько конфессиональное пограничье, сколько социальное разнотечение истории. Рубеж был прочерчен скорее в соответствии с политической культурой городского самоуправления, а не с ареалами конфессий; цивилизационная граница – северо-восточный рубеж распространения городов, управлявшихся в соответствии с магдебургским правом (юго-запад Российской империи до Смоленска, включая его). И еще оригинальная (полковая) культура самоуправления в Гетманщине, вся совокупность традиций военного сообщества Запорожской Сечи. В империи же существовал дефицит практики самоуправления, в том числе муниципальной власти, формируемой горожанами (то есть гражданами, бюргерами, буржуа). Следует учитывать и относительно меньшее, хотя и форсированное, присутствие крепостничества на украинских землях, его иные исторические сроки. Распространенное до времени преимущественно в центральных областях империи крепостничество было, по сути, стыдливым именованьем рабовладения, то есть открытой торговлей соотечественниками оптом и в розницу, искажением человеческой природы как рабов, так и их хозяев. Сыграло свою роль также обитание украинской громады на территориях разных государств, предопределив ее диверсифицированность, создав несколько уровней и типов национального домостроительства.

Если украинская идентичность это в определенной степени ментальность хуторянина, козака, шляхтича, гражданина-горожанина, отстаивавшего конфессиональную-языковую-национальную самостийность (менявшие культурный код растворялись в соседних народах), то ментальность имперского индивида в своей основе – идентичность подданного российского межнационального государства (государства), слуги империи, стремительно расширявшейся и вбиравшей народы на евразийских просторах. XX век принес на эти земли центробежную идею строительства политических наций, а коммунистический эксперимент запустил процесс иной формулы интеграции с Россией. Крах эксперимента завершил процесс и предопределил трансгрессию.

Специфика Украины заключается также в трагичности ее истории. Страна располагалась на путях переселения народов, на перекрестке культур и конфессий, унии и руины, политических проектов и социальных катаклизмов, слишком часто пребывая в горниле мятежей, войн, оккупаций. Народ утрачивал суверенность, разделялся границами, переселялся – вольно и невольно – на Кубань, в Сибирь, на Дальний Восток, элита разъезжалась по иным национальным квартирам на запад и восток, юг и север, нередко теряя или сознательно меняя идентичность. Соборное единство было обретено на короткий срок в 1919 году с объединением Украинской народной республики и Западно-Украинской, но культурные различия частей ощутимы вплоть до настоящего времени. Трагична история и советского периода, прежде всего катастрофа Голодомора, выкосившая Восточную Украину (как бы ни подсчитывали число жертв – во всех версиях оно чудовищно). Одним из следствий этого было переселение некоторого числа жителей центральной России на опустевшие земли. А затем воследовали военные и послевоенные «страсти по Украине». В сумме эти факторы предопределили настойчивое стремление к суверенности и европейский выбор Украины. Можно, конечно, обсуждать, почему радикальный перелом произошел именно сейчас, но в принципе долгосрочная тенденция была очевидна...

Актуальный вопрос нынешней ситуации – возможность возобновления горячей фазы военного конфликта. Если сравнивать с прошлым годом, то угроза перерастания в полномасштабную войну снизилась; максимальная вероятность массированного ввода российских войск в виде миротворческих была, пожалуй, приблизительно год назад – в конце апреля, в период транзита власти, то есть до президентских выборов. Перспектива активных боевых действий на территории Украины, конечно, существует, однако все более значимым становится другой аспект ситуации – накапливающиеся в ходе боевых действий низкой интенсивности деструктивные следствия и генезис «черных лебедей», вылетающих из этого гнезда (вспомним катастрофу с малайзийским лайнером). В питательной среде подобных коллизий – зародыши разновекторных событий, сумма которых непредсказуема.

На территории Европы фактически образуется «травматическая инклюзия», которая напоминает имеющиеся в других частях света аналогичные деструктивные образования, наиболее характерные черты которых – политическое противоборство конфликтующих полевых командиров; инволюция к этно- и конфессионально ориентированным городам-государствам; перманентное ведение гибридных боевых действий различной интенсивности; зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий; трофейная экономика как основа жизнедеятельности; постмодернистское/фундаменталистское прочтение традиционной культуры/конфессии; различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека; социальная неоархаизация, криминализация, культурная инверсия; «антропологический пылесос», действующий как внутри территорий, так и относительно окружающего мира, формируя специфические сообщества; беженцы и переселенцы, аксиологический кризис. Иначе говоря, пульсирующая опухоль, которую проблематично полностью исцелить. В такие точки притягиваются специфические люди – вырабатывается своеобразный военный алкоголизм, который не проходит с годами...

Что же касается общеевропейской ситуации, то она изменилась кардинально. Пошатнулся правовой миропорядок – конструкция мировых связей, основанная на соблюдении подписанных, утвержденных и подтвержденных международных договоров, признанных этими договорами границ, режим общей и ядерной безопасности. Причем домино процесса лишь начинается, вопрос в том, как далеко он пойдет. На очередном этапе могут обнаружиться сбои в работе международных организаций, в действительности различного рода соглашениях, исполнении решений международных органов, так как их авторитет и дееспособность скомпрометированы. Россия предъявила миру эскиз миропорядка, основанного на иных принципах взаимоотношений государств.

Поиски выхода

Поскольку мы живем в глобальном мире, для разрядки серьезных напряжений необходимы международные переговоры: многосторонние и двусторонние, другие меры политического характера. События на юго-востоке Украины – это международная проблема, и Минские договоренности действительно сбили военный накал ситуации. Необходима также санация «ДНР–ЛНР», включая восстановление режима российско-украинской границы. Частично эти процессы пошли, подтвердив наличие проблем и с полевыми командирами, и с фиксацией пограничного режима. Санация сама по себе непростой процесс даже при наличии политической воли.

Конечно, чтобы снизить градус конфликта, необходим барьер насыщению этих территорий оружием и людьми, возможно, с использованием миротворческого контингента ООН. Это достаточно стандартная процедура, и Украина идею поддерживает. При всем том изменение регионального баланса уже произошло, и ряд стратегических позиций Россия утратила: не только членство в «большой семерке» и т.п.,

но, к примеру, подорвана многоплановая концепция русского (русского) мира, которая была актуальна и перспективна как параметр социокультурной гравитации. Однако «на вооружение» был принят ее крайне неплодотворный и неперспективный извод, отразивший мышление в категориях геополитики и запустивший процесс исторических, цивилизационных связей в реверсном режиме. В результате для России этот поезд ушел; в актуальной же повестке региона проступает контур современной версии «республики трех народов».

Парадоксальным, на первый взгляд, образом то, против чего кампания затевалась, было именно ею ускорено и воплощено. Тут и опасения в отношении союза Украины и НАТО, и размещение инструментария блока на постсоветском пространстве непосредственно у границ с Россией, и обретение североатлантическим блоком «второго дыхания», и укрепление позиций США в Европе. А также возрождение «Восточного партнерства», продвижение связей постсоветских стран с ЕС, многомиллиардное финансирование европейского вектора Украины, причем в условиях, когда сам Европейский союз находится в сложной экономической ситуации. Но главное, произошли качественные изменения в ментальности, включая отношение к России. И не только в Украине.

Также давно назрела необходимость детоксикации СМИ, особенно телевидения. Это не столько даже вопрос качества представления событий, происходящих в Украине, сколько императив психологической ситуации в России: в той политике, которую средства массовой информации сейчас осуществляют, видится определенная угроза национального масштаба. Что же касается понимания украинских обстоятельств, то необходимы их серьезные, некрикливые обсуждения, в том числе публичные. Причем обсуждения полноценные, так как, во-первых, обстоятельства эти касаются не только судьбы Украины, а во-вторых, судя по явным ошибкам, совершенным и совершаемым, создается впечатление, что нет должного понимания ни исторических основ, ни комплексных следствий подобного развития событий. Проблема на самом деле серьезнее, речь, по сути, идет о глубоком кризисе систем государственного управления. Их упрощение, выхолащивание стартовало еще в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества, инстинктивная тяга к обманчивой эффективности властной вертикали проявились в уничтожении двоевластия (третья, судебная ветвь власти ни тогда, ни впоследствии в России так и не сформировалась). В результате были сняты сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что очень скоро предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, фальсификацию выборов и т.д.

В чем же уроки украинского сюжета? Ответ на вопрос – актуальная повестка не только украинской или российской ситуации, тут достаточно вспомнить о других горячих точках планеты и напряженных сюжетах современности: динамичной реальности «Исламского государства», европейском «синдроме Франкенштейна», ловушках политического и экономического транзита. В глобальном обществе при определенных обстоятельствах локальные или региональные события могут приводить к каскадно развивающимся процессам универсального толка, завершаясь радикальными изменениями или, не исключено, разрушением системы. Сегодня траектории социальных процессов очевидно сопряжены с критическими обстоятельствами на наших глазах решается судьба истории, прочерчивается ее крутой маршрут, а совершаемые действия способны вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но саму будущность глобальной системы.

Процессы, разворачивающиеся в новом сложном мире, требуют качественного обновления методов анализа и действия. Поколение технологий, настроенных на

управление социальной и политической мобильностью в сложных обстоятельствах, претендует на достижение позитивных эффектов в ситуациях критической неопределенности, в перспективе – продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации. При этом ригидные структуры умножают охранительные механизмы, а высокоадаптивные организмы – делают ставку на гибкую самоорганизацию. Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Вспомним знаменитый эффект бабочки, взмах крыльев которой где-нибудь в Индонезии может при странном стечении обстоятельств спровоцировать обвал акций на Уолл-стрит. Сбой же в системе международных связей способен привести к созданию на планете множества гнезд черных лебедей, откуда эти тревожные птицы начинают вылетать одна за другой.